

Тори Ру

Время неба

УДК 82-3
ББК 84-4
Т60

Тори Ру

Т60 **Время неба / Тори Ру. – М.: Литнет, 2026. – 230 с.**

ISBN 978-5-524-00017-0

Погрязнув в повседневности, я не замечала, как медленно, по капле утекает время, пока однажды не обнаружила себя в пустоте – ни друзей, ни карьеры, ни семьи. Но жизнь щедра на сюрпризы. Только вот человек, оказавшийся рядом в трудную минуту, совершенно не подходит мне.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00017-0

© Литнет, 2026
© Тори Ру, 2026

Глава 1

Дождь барабанит по подоконникам, стекает по запотевшим стеклам, с шипением растворяется в мутных ручьях под колесами ползущих по городской улице автомобилей и исчезает в решетках ливневок.

Я стою у открытой рамы, морщусь, глотая остывший кофе, затягиваюсь тошнотворным дымом отсыревшей сигареты и наблюдаю за разноцветными грибами зонтов, плывущими к остановке.

Через полчаса я присоединюсь к веренице невыспавшихся обывателей – обреченно поскачу через лужи к автобусу, сшибая плечами нерасторопных попутчиков, прорвусь в его теплое нутро и займу место у окна. Чтобы, добравшись до пункта назначения, разделить с коллегами участь офисного планктона.

Посторонние руки обвивают талию, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Майка, заканчивай с пагубными привычками! Мы опаздываем! – раздается за спиной, по обонянию бьет тяжелый запах перегара.

К горлу подступает кислятина, в голове пустотой отдается похмелье, но я широко улыбаюсь:

– Олег, ты поезжай. А я на автобусе! – Оглядываюсь и не даю ему возможности возразить: – Нам только слухов не хватало! Натали и так готова сожрать меня за любую провинность.

В глубине души я страстно желаю, чтобы он продолжил настаивать на совместной поездке в такси – тогда нам придется одновременно показаться в офисе, вызвав шлейф пересудов, и хотя бы частично рассекретиться, но Олег быстро убирает руки и отступает в глубину сумрачной комнаты:

– Как хочешь... Мое дело предложить.

– Да, пожалуй, так будет лучше.

Закрываюсь в ванной и с раздражением слушаю, как Олег хозяйничает на моей кухне – гремит посудой, глотает кофе, чавкает,

подвывает голосу Фредди Меркьюри, доносящемуся из охрипших динамиков старого радио и учиняет полнейший беспорядок.

Меня бесят крошки и немые чашки, которые он вечно оставляет на столе, его опухший заспанный вид по утрам, навязчивый горький парфюм, наигранный оптимизм и одышка...

– Я пойду! – наконец сообщает он из прихожей, и я вздыхаю.

– Увидимся!

Щелкает дверной замок, повисает долгожданная тишина.

Умываюсь холодной водой и долго разглядываю бледное лицо в заляпанном мыльными разводами зеркале.

Большую часть времени мне абсолютно наплевать на существо, которое изо дня в день плячется из потустороннего мира, лишь подмечаю устало, что уголки его губ слегка опустились, кожа потускнела, а прозрачные глаза стали мутными и безразличными...

Все просто – мне уже тридцать два. Наедине с собой я не думаю об этих абсурдных цифрах, но мама, очередные доброхоты в лице того же Олега или не в меру любопытных коллег, дата рождения в документах и даже проклятое зеркало все равно навязчиво напоминают о них.

Я отвожу взгляд. Идиотизм какой-то.

А я не заметила, как где-то в суете затерялись и исчезли неунывающие приятели, светлые мечты, надежда на большую любовь, крепкую семью, ребенка... Растворились, утекли сквозь пальцы последние десять лет моей жизни.

Все, что у меня есть сейчас, – тесная однушка в спальном районе, оставшаяся от умершей бабули, нелюбимая работа в офисе на другом конце города и Олег – мой непосредственный босс, с которым нас связывают совместные походы в бары и поездки ко мне по окончании «культурной программы».

Похмелье отзывается дрожью в пальцах.

Я клятвенно обещала себе, что не стану брать трубку, когда он в очередной раз позвонит вне работы, но ночи – страшное, беспо-

щадное время суток, время бессонницы и ненужных навязчивых мыслей – переживать в одиночестве очень сложно. И я по первому зову еду в клуб, где Олег ждет меня с банкой холодного пива и кривой улыбочкой, и все начинается по новой.

Всплеск, ледяная вода обжигает щеки, я закрываю кран, выхожу и выключаю за собой свет.

Глава 2

Стремительно занимаю пустое сиденье на задней площадке автобуса и буквально прирастаю к нему – мне предстоит еще полчаса дремать в переполненном салоне, борясь с последствиями бурно проведенного вечера и ночи. Прячу мокрый зонт в пакет, разматываю наушники, затыкаю ими уши и отключаюсь от внешних раздражителей.

Под аккомпанемент любимой музыки смотрю на унылые картинки, проплывающие снаружи, веки тяжелеют, озноб постепенно отпускает. Но в размеренный медляк «Слип» вклиниваются отрывистые посторонние звуки.

Моргаю, озираюсь и нахожу их источник – агрессивно настроенные пенсионерки орут на попавшего под раздачу неудачника, внося разнообразие в рутину затянувшейся поездки. Остальные пассажиры увлеченно наблюдают за склокой.

Лишь на средней площадке, олицетворяя собой весь пофигизм этого мира, в окно безучастно уставился мальчишка в наушниках и черной толстовке с капюшоном.

Сонный взгляд задерживается на нем, и в душе вдруг оживают воспоминания о несбывшемся, мечты и планы, срок которых давно истек.

Он похож на моих утраченных приятелей – на всех сразу.

На приятелей, что почти пятнадцать лет назад носили на плече рюкзаки с цепями и значками и думали, что им под силу перевернуть реальность.

Но она поглотила их – в угаре тусовок пролетели школьные дни, окончилась студенческая жизнь, одна за другой отгремели веселые свадьбы... Кто-то уехал в другую страну, кто-то сгинул в алкогольном дурмане, кто-то располнел, надел галстук, ездит на ненавистную работу в офис и при редких встречах стыдливо прячет глаза, а у иных все хорошо – семья, быт, подрастают дети.

Только я все еще ношу нелепые кеды, джинсы и подростковые худи и никак не могу въехать в абсурд, происходящий вокруг.

Мои ровесники давно стали взрослыми. Тогда... кто же я?

Мальчишка отмирает, поправляет рюкзак с белой буквой «А» в полустертом круге и хватается за поручень, продираясь к выходу.

Замечаю разбитые костяшки, рельеф вен на загорелом предплечье чуть ниже закатанного рукава, хмурый взгляд темных глаз из-под челки, устремленный прямо на меня.

Он смотрит на меня.

Я дергаюсь, отворачиваюсь и заливаюсь позорным румянцем.

Черт бы побрал эту глупую привычку плясать на молодых парней, разглядывать их, отрешившись от возраста, установок, обязательств, отпустив на свободу мысли.

Извращенка. Иди объясни ему теперь, что не имела в виду ничего такого, что так ты ненадолго возвращаешься к себе настоящей, затерявшейся в пене дней и лет девочке, что умела искренне смеяться и хотела любить всей огромной душой.

Механический голос объявляет название остановки, и парнишка шагает к дверям.

Тайком разглядываю потертую «Анархию» на рюкзаке, пылающие, покрывшиеся пунцовыми пятнами щеки парня и злорадно улыбаюсь.

Оказывается, я все еще могу кого-то смутить.

Глава 3

В офисе витает дух растворимого кофе и подвальной сырости, унылые коллеги встречают меня сдержанными кивками и тут же теряют всякий интерес.

Натали, смерив презрительным взглядом мой прикид, демонстративно смотрит на часы и поджигает в досаде губы – я пришла за пять минут до начала рабочего дня и причин для выговора нет.

Я не слишком почитаю здешний дресс-код, не умею подстраиваться под обстоятельства, держать нос по ветру и заводить полезных друзей, наверное, поэтому за десять лет так и осталась рядовым сотрудником и менеджер Наталья Феликсовна меня просто не выносит.

Олег, пришедший на полчаса раньше, уже отлично создает видимость работы – что-то орет в телефон, комкает бумажки, вертится на стуле, и тот жалобно скрипит.

От взгляда не ускользает занятая сценка – Натали наклоняется к стопке отчетов, с грацией дикой кошки выпячивает обтянутую гипюром задницу, а Олег пялится на нее, словно загипнотизированный, и утирает пот со лба.

Увидев, что я заметила, он расплывается в улыбке и заговорщицки мне подмигивает.

Здравый смысл молотком стучит по темечку: нужно завязывать. Хватит напиваться в середине рабочей недели, хватит приводить домой кого попало, чтобы потом не слишком правдоподобно стонать под его грузной тушей, изображая вовлеченность в процесс.

В этот момент я в очередной раз осознаю, насколько никчемной являюсь – в приступе самобичевания втискиваю замерзшие пальцы в узкие туфли на шпильке, стягиваю худи и повыше поднимаю рукава блузки.

Приди, работа. Сегодня я, как всегда, собираюсь вкалывать до потери сознания.

Дождь прекратился, полосы синих туч расползлись по красному закатному небу, запоздалые капли срываются с листьев окруживших офисное здание тополей.

Затянувшись напоследок, бросаю окурочек в урну у входа, кисло улыбаюсь незнакомке – задержавшейся свехурочно подруге по несчастью – и уверенно шагаю прочь.

Хотя идти мне в общем-то некуда.

Май окончательно вступил в права – тенью ошивается в подворотнях, исподтишка творит свое неведомое волшебство, кружит голову и быстро уходит прочь одиноким прохожим с рюкзаком за спиной.

Я брожу по гляцевым улицам, потеряв счет времени, подмечаю незначительные мелочи, полутона, звуки, а томление, ожившее еще утром, уже не вмещается в душу, сдавливает горло, вызывает слезы, гонит в неизвестность.

Пахнет грибами, хвоей, озоном и гарью, в стремлении выгнать из легких остатки сигаретного дыма я глубоко вдыхаю сырой теплый воздух.

Стая шумных детишек выбегает из сумерек и бросается врассыпную, удирая от встревоженных пап и мам, зачинщица – маленькая девочка с огромным бантом – в шаге от меня спотыкается о невидимый камень.

Вздрагиваю, подаюсь вперед и ловлю ее за доли секунды до падения на асфальт. И ощущаю чистое блаженство – нежное уютное тепло маленькой ладони в своей вечно пустой руке... Быстро разжимаю пальцы, растерянно улыбаюсь и под слова благодарности запыхавшихся родителей поспешно ухожу.

Молодежь с разноцветными патлами заняла любимую скамейку на площади у ТРЦ; тихонько присаживаюсь на гранит ограждения спящего фонтана и наблюдаю из темноты, как парни и девушки без забот и проблем смеются, шутят, обнимают друг друга, целуются и ссорятся, но в воздухе все равно витает любовь.

Потертый знак «анархии» на рюкзаке одного из присутствующих мальчишек, мелькнувший в голубоватом свете фонарей, заставляет прищуриться.

Так и есть – паренек из автобуса. На миг задерживаю дыхание и смотрю во все глаза – кажется, я становлюсь свидетелем его личной драмы.

– Пошел ты! – визжит рыжеволосая девочка в чем-то бесформенном и черном, вскакивает, с размаху отвешивает ему звонкую оплеуху и гордо удаляется в ночь.

Парень, признавая полное поражение, откидывается на деревянную спинку скамейки, трет щеку, огрызается, а его дружки дико гогочут.